

Россия географически находится на Севере,
но в социально-экономическом отношении —
это Юг

*А.В. Бузгалин, доктор экономи-
ческих наук*

Я хотел бы поблагодарить за приглашение на семинар. Здесь находятся люди, которые принадлежат к парадигме несколько иной, чем те, с которыми я по большей части общаюсь, но тем интереснее диалог.

Свое выступление я хотел бы построить скорее критически, но не столько потому, что мне кажется неправильным то, что здесь говорится, сколько потому, что это представление другой правды, с которой интересно вести полемику.

В центре доклада А.И. Неклессы лежит понятие геоэкономики с акцентом на том, что это не просто терминологическая инновация, но некоторая основа для содержательного переосмысления происходящих процессов. При пояснении, почему введено именно понятие «геоэкономика», мне показалось, что Александр Иванович пришел к выводу, отрицающему этимологию этого слова. Речь идет о том, что современное мироустройство становится не совсем экономическим, а политико-экономическим или экономико-политическим, что национально-государственные, т. е. пространственные

аспекты взаимодействия различных субъектов становятся менее значимыми, чем взаимодействия между глобальными игроками.

В этой связи не могу не упомянуть, что этот вывод звучит уже давно, и докладчик об этом, наверняка, прекрасно информирован. Где-то лет 15 назад один из российских профессоров написал реферат по работам французских профессоров, которые ввели довольно остроумное понятие глобализации: «Глобализация развивается в той мере, в какой мы переходим от взаимодействия национальных государств на полях мировой системы к взаимодействию глобальных игроков на полях любого национального государства или сколь угодно малого субъекта». «Пепси-кола» конкурирует с «Кока-колой» в любой китайской деревне, в любом буфете российской школы и т. д. Если к списку глобальных игроков добавить то, что есть в любом учебнике (наднациональные институты и органы межгосударственного регулирования, сверхнациональные государства типа США и мегаполисы...), то мы получим рабочее определение глобализации.

Мне кажется, оно будет отчасти сопряжено с тем, что А.И. Неклесса говорил о геоэкономике; но тогда уместнее термин типа «глобэкономика». И здесь смена слов ведет к смене смысла. Оказывается, что в этом случае наиболее важен не пространственный аспект, а *качественное изменение содержания* происходящих социально-экономических и политико-идеологических процессов. Если это изменившееся содержание каким-то образом связано с теми или иными регионами мирового пространства, то это следствие, а не причина рассматриваемых изменений. Т.е. не из-за специфики регионально-пространственной структуры изменяется содержание социально-экономических и политических процессов, а *из-за изменения социальных, экономических и политических содержаний* изменяются географическая структура и взаимодействие определенных географических субъектов.

В этом смысле от «гео» остается только некоторая рефлексия того, что происходит с содержимым. Следовательно, изучать надо не геоаспект, не пространственный аспект, а аспект глубоко содержательный, и уже потом смотреть, как он географически размещен.

В результате получится, что все четыре вида экономики, которые представлены на схеме — финансовая, природозатратная, инновационная и т. д., — живут в каждом регионе. Не все четыре, но многие из них могут жить в каждом городе. Нью-Йорк представляет собой пространственную матрицу, примерно такую же, как земной шар. Там есть люди, которые живут 40–50 лет, занимаются ручным трудом, не имеют образования и борются за возможность получить чистую воду (они локализованы, скажем, в трущобах Южного Бронкса). Есть те, кто живет в пространстве финансовой экономики; есть те, которые живут в инновационной экономике; есть те, кто живет в промышленной экономике. Естественно, существуют проблемы Севера — Юга, глубокого — мелкого — это важно, но это следствие. Это первый тезис.

Второй тезис. В этом случае мы, видимо, должны найти другой вариант объяснения детерминации и содержательной характеристики происходящих в мире изменений, нежели тот, что представлен в докладе. Мне кажется, пространственный подход не задает содержательной структуры. Эта структура задается содержанием социума. Оно задает структуру социума.

Я не хочу сейчас уходить в дискуссию о цивилизационном и формационном подходах, но посмотрите на структуру общественных наук. Они изучают технологические уклады (производительные силы, говоря марксистским языком), экономические процессы, социальные процессы, политические процессы, культуру и т. д. Посмотрите хотя бы на структуру ВАКовских специальностей. Я не думаю, что там люди исходили из марксистской методологии, — они исходили из реальности. Реалии науки отражают реалии бытия.

То же самое касается и других компонентов, в том числе возможности показать, в чем смысл происходящих сейчас изменений. Этот смысл оказывается не в том, что конфигурация сместилась на Север — Юг, а в том, что содержательно изменились причины этой конфигурации. Конечно же, «Север» и «Юг» — очень условные названия, потому что Россия географически находится на Севере, но в социально-экономическом отношении — это Юг. А самый Юг (в экономическом и социальном отношении) — это наш Заполярный круг. Термин «Север» не имеет особого пространственного смысла, равно как и «Юг». Это образные характеристики, не более того.

И последнее — по поводу русскости.

Я хочу высказать несколько критических соображений по поводу национально-ориентированного или цивилизационно-ориентированного подхода. Понимаете, в чем дело: мне кажется, что прогресс французского языка в XVIII — XIX вв. был связан не с тем, что этот язык был намного содержательнее или лингвистически богаче, чем китайский, арабский или какой-то другой. Это было связано с тем, что Франция предложила новую социальную доктрину. Эта доктрина стала универсальной, Просвещение в XVIII в. было универсальным общечеловеческим проектом, который предложили французы на французском языке, и это стало важнейшей предпосылкой для популярности этого языка. До этого ренессансная Италия на латыни или с корнями латыни предложила другой проект — Ренессанс античной цивилизации. После этого англичане, англо-американцы на английском языке предложили еще один социальный проект. Потом на русском языке все народы Советского Союза, включая Прибалтику, преимущественно на русском предложили еще один проект. И каждый раз соответствующие языки — латынь или французский, английский или русский — становились носителями всемирного культурного начала.

Отсюда вывод: проблема не в русскости, не в специфике русской нации или даже российского социума. Проблема в другом: *можем или не можем мы в XXI в. предложить универсальный всемирный проект, отвечающий на еще неосознанные до конца вызовы миллиардов граждан самых разных стран.* Если такой проект будет предложен на русском языке русскими — слава Богу; если китайцами — значит, он будет на китайском языке, и мы все будем учить китайский. Но хуже нам от этого будет только в очень узком аспекте (язык сложный...), главное — чтобы проект был хороший.